
ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Э. С. КУЛЬПИН

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ОСНОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Конечной целью социоестественных исследований являются представления больших групп людей о мире и о себе. Эти представления находят свое выражение в понятиях, именуемых ценностями. Психологи насчитывают несколько сотен понятий, относимых к ценностям. При этом совокупность (набор) большинства ценностей остается практически неизменным для всех времен и народов цивилизационного периода истории, но значимость каждой отдельно взятой ценности различна и в одной цивилизации в разные эпохи, и у разных народов в одну и ту же эпоху. Все ценности взаимосвязаны смыслами, заложенными в них. В соответствии со смыслами взаимосвязанные ценности могут быть либо равными по значимости, либо неравными. Равнозначные ценности связаны между собой условно горизонтально, неравнозначные – вертикально. И поскольку существуют ценности с двумя видами связей, то совокупность ценностей можно представить в виде пирамиды, на вершине которой расположены самые главные по смыслу и наиболее устойчивые во времени ценности для данной цивилизации, этноса. При такой интерпретации смыслов проблема сводится к выделению этих самых главных, самых важных, основных ценностей, которым все остальные, расположенные на разных горизонтальных уровнях значимости, «подчиняются». В конце 1980-х гг. методом исторического анализа, о чем речь ниже, мною были выявлены основные ценности западноевропейской и дальневосточной цивили-

заций, и возникла проблема верификации их социологическими методами. Была достигнута договоренность с группой ученых из Психологического института РАО во главе с И. Г. Дубовым о том, что в ходе социологических опросов они независимо попытаются выявить (построить) пирамиду ценностей россиян, анализируя социологические опросы. Однако до сих пор выявить как систему и (построить) пирамиду ценностей россиян не удалось. Метод действия социальных психологов и социологов – это социологические опросы. Они проводятся чаще всего для того, чтобы определить поведение людей на выборах, выявив *изменения* настроений. В результате дается сиюминутный и в этом смысле горизонтальный срез – срез предпочтений, настроений, сознания (см., в частности: Ментальность россиян, Базовые ценности россиян). Завтра этот ценностный срез будет иным. А ведь есть ценности, которые остаются неизменными во все времена, значимость которых непреходяща. Исследуя причины невозможности выявления пирамиды ценностей, я пришел к выводу, что стандартные социологические исследования по самой своей сути ориентированы на **сдвиги в сознании**, на **изменяющиеся** ценности и, что немаловажно, расположенные условно в нижних ярусах пирамиды; верхние – неизменные – остаются где-то за пределами видимости, а видимые не предстают в виде системы ценностей. Иными словами, неизменные ценности (по крайней мере, некоторые из них) остаются вне сферы сознания, то есть в области подсознания или в бессознательном. Идею о коллективном бессознательном, определяющем движение народов и цивилизаций, в научный оборот ввел К. Г. Юнг. При этом нельзя не согласиться с В. В. Зелинским, который пишет: «Что касается “коллективного бессознательного”, то это понятие также выступает ключевым для всей аналитической психологии и в истории психологии вполне может считаться “наиболее революционной идеей XX века”, идеей, серьезные выводы из которой так и не были сделаны до сего времени» (цит. по: Юнг 1994: 10).

Итак, если исследование ценностных горизонталей является предметом социологии, предметом социологических опросов, то о вертикали должна дать знание история, выявить те ценности, которые на протяжении длительных периодов времени оставались неизменно значимыми, а из них – основные, главные. Все ценности

связаны между собой, иными словами, образуют систему. И здесь необходимо применить один из принципов общей теории систем и для всей системы в целом, и для ее элементов, являющимися также системами, принцип целостности. **Если какой-то элемент системы можно удалить и от этого система не разрушится, значит, он был лишним в этой системе, а если разрушится, то, значит, это был тот элемент, который действительно принадлежит данной системе** (подсистеме). Иными словами, выявляя основные ценности, необходимо осуществить названную логическую верификацию, а затем дополнить ее фактографической – исторической.

Верификация историческая заключалась в том, чтобы выявить, какой набор различных ценностей удерживался в числе актуальных в течение длительного времени. Второй этап исследования – а как в этом наборе ценности связаны между собой? Поскольку ценности могут быть «вечными», но обладать разной значимостью (условно, первого порядка, второго порядка, третьего порядка и т. д.), некоторые ценности, которые удерживались в актуальных длительный период времени, при этом не были основными. Основные нужно «вычислять» «технической» верификацией: проверкой не «алгебры гармонией», но гармонии алгеброй – соответствием ценностей технологии основного хозяйственного процесса, поскольку в любой технологии находят свое отражение не только законы природы, но и их выборка, а выборка зависит от представлений людей о мире и о себе, от ценностей. **В основной технологии находят свое отражение основные ценности.**

Основные ценности китайской и западноевропейской цивилизаций в сравнительном анализе были выявлены к началу 1990-х гг., японской – в 1999 г. (Кульпин 1987; 1990; 1999).

Первые публикации исследований основных ценностей российской цивилизации в сравнительном анализе Востока и Запада относятся к 1995 г., последние – стенограмма доклада на XIII конференции «Человек и природа»-2003 (Кульпин 1995; 2003). В них зафиксированы основные ценности российской цивилизации, сформировавшиеся после преодоления социально-экологического кризиса XVI–XVII вв. и достигшие полной завершенности (целостности) в эпоху Петра I.

**Системы основных ценностей Запада, Китая (в канун XIX в.)
и Японии (в канун XX в.)**

(Источник: Кульпин 1999: 215)

	ЗАПАД	КИТАЙ	ЯПОНИЯ
Ценность – объект	ЛИЧНОСТЬ	ГОСУДАРСТВО	ГОСУДАРСТВО
Ценности 2-го уровня	СВОБОДА, РАВЕНСТВО, БРАТСТВО	МИР, ПОРЯДОК, ТРАДИЦИИ	ЗНАНИЕ (включая конфуцианское), ПОРЯДОК, МИР
Ценности 3-го уровня	ТРУД, ЭКВИВАЛЕНТ, ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ, ЗАКОН (ПРАВО)	ИЕРАРХИЯ, РИТУАЛ, ПРОШЛОЕ (конфуцианское) ЗНАНИЕ	СЛУЖЕНИЕ, ЗАКОН (ПРАВО), ТРАДИЦИИ (включая иерархию, ритуал)
Ценность – вектор	РАЗВИТИЕ	СТАБИЛЬНОСТЬ	РАЗВИТИЕ

* * *

Возвышение главной ценности российской цивилизации – ценности-объекта – *государства* в истории российской цивилизации берет свое начало в XV в. в специфических условиях взаимоотношений человека и природы. Эти условия определяются динамикой демографического роста и характером взаимоотношений человека и природы. Демографический рост определяется социальными отношениями, технологией основного производственного процесса и биологическими законами. (Последние в данном случае не рассматриваются.) XV в., по моим расчетам, это век удвоения численности населения Северо-Восточной Руси. Что происходит в этот период? Идет интенсивное наступление пашни на лес. Леса превращаются в пашни. Чем быстрее распахиваются леса, тем быстрее растет население, чем быстрее растет население, тем быстрее распахиваются леса. Население Северо-Восточной Руси для средневековья растет не просто быстро, но стремительно, о чем мы можем судить, прежде всего, по косвенным свидетельствам. А именно:

если в середине века села крайне редки, а деревни – это одиноко стоящие одно-, двух-, трехдворки и больше всего однодворок, то в конце века появляются большие села. Если в середине века нет дорог, то с ростом населения, ростом плотности населения к концу XV в. села соединяются дорогами. (Подробнее см.: Кульпин 2003.) Вторая половина XV в. – время правления Государя всея Руси Ивана III. Во многом его усилиями создается государство со специфической формой оплаты труда государственных служащих.

В позднем средневековье мы видим три типа оплаты труда госслужащих. Денежная – в Европе, натуральное продовольствование – на Дальнем Востоке, особенно четко выраженное в Японии. Там государство платило натурой, как сейчас нередко на наших заводах дается продукция, чтобы человек сам шел и продавал ее на рынке. Но это было возможно только при: 1) стабильных урожаях; 2) государственных хранилищах зерна; 3) хороших коммуникациях. Ничего из перечисленного на Руси не было. И был еще третий путь – путь Оттоманской империи, где за службу, на время службы давалось поместье – пахотная земля. Вот этот путь был единственно возможным для России и использован Иваном III. Он создал так называемую поместную систему. За службу государству на временное пользование давалась земля.

Какую землю мог давать государь? Прежде всего, своего поместья. Затем завоеванную у других феодалов. Или экспропрированную у своих вассалов. У «своих» отбирали на «законном» основании, обычно – за «измену» (действительную или мнимую). Свои вотчинники были светские и духовные. Светские – это как раз тот социальный слой, из которого и рекрутировались госслужащие, которому и должна даваться пахотная земля в поместья. Духовные владели от одной пятой до трети всей пашни (современные оценки приблизительны), причем лучшей (в этом нет сомнений у исследователей). Иван III хотел отобрать земли церкви, но не смог и был вынужден обходиться двумя третями пахотной земли, причем не лучшей. Но этой земли для испомещивания не хватало. В то же время было еще много земли невозделанной, в подавляющем большинстве заросшей лесом, и государь давал в поместья не только пашни, но и леса. В этих лесах пытались пахать и пахали. Но лесную целину распахивать можно было не везде. Низинные места

пригодны для подсечно-огневого земледелия: деревья можно сжечь, семена в золу кинуть – получишь хороший урожай (технологию см.: Петров 1968). А если распашешь, то есть нарушишь корневую систему, то низинные места имеют тенденцию к быстрому заболачиванию. Все хорошие (не заболачиваемые) земли к концу правления Ивана III распашали. И тогда обострилась проблема испомещения слуг государевых. Это не только проблема «финансирования» госаппарата, но самого существования государства. Ведь если служащим за работу не платить, то они и работать не будут, тогда и государства не будет. Первый этап решения проблемы – юридический. После более чем четырехсотлетнего перерыва со времен Ярослава Мудрого и его ближайших наследников создается Судебник (в 1497 г.). Согласно Судебнику 1497 г., вся земля объявляется собственностью Великого князя, то есть государственной собственностью. (Причем не только земля, но неявно и недра, поскольку о недрах ничего не говорится. Напомню, что в западноевропейских странах недра не принадлежат феодалу, они принадлежат всему обществу.) Иными словами, перед нами феномен первой в истории России национализации де-юре. Это первое, еще не фактическое, но юридическое лишение прав всего народа, всех социальных слоев без исключения собственности на землю, то есть основного вида собственности во все времена. С этого времени юридически все подданные Великого князя становятся не собственниками, а временными «держателями» земли, даже если это вотчина – земля, испокон веков принадлежавшая предкам владельца. Как говорили тогда, **вся** земля должна «служить» государству.

Принятие Судебника – главный индикатор возникшего дефицита пахотной земли. (Пока земли было в достатке, не было причин к борьбе за нее и установление права на нее сильного.) **Судебник – индикатор дефицита пахотной земли, одновременно правовой и политический. Есть и другие индикаторы – социальные и экономические.** Население продолжало расти, усиливая дефицит пашни. В середине XV в. земли хватает всем, и потому нет таких социальных слоев, как «холоп» и «бобыль на пашне». Кто такой «бобыль»? «Бобыль» – это безземельный крестьянин, который не может обзавестись семьей, потому что у него нет средств к существованию. Кто такой «холоп на пашне»? Это семейный крестьянин,

у которого нет земли и который ради возможности работать продаст себя в «холопы», то есть в рабы. Если в середине XV в. ни «холопов на пашне», ни «бобылей» как социальных слоев нет, то в конце XV в. они появляются, а к концу следующего века количество «бобылей» увеличивается во многих областях до 50 %. «Бобыль» – не просто безработный, он еще и бомж – человек без определенного места жительства. Сегодня нам трудно представить себе такую массу безработных бомжей и соответственно морально-психологическое состояние общества. Появление «бобылей» и «холопов на пашне» как социальных слоев – это социальный индикатор дефицита пашни. Взрыв тяжб за землю крестьян, светских и духовных вотчинников, Великого князя (государства) в конце XV в. – индикатор экономический. *Совокупность индикаторов позволяет констатировать возникновение острого дефицита пашни уже в конце XV в.*

В связи с дефицитом земли и ее национализацией ценность служения выходит в ряд основных ценностей российского общества, при главном виде служения – служение государству. Чем меньше становилось хорошей земли (или вообще земли) на душу населения, тем выше поднималась ее цена и тем выше становилась значимость *служения* единственному хозяину земли – государству.

Пусковой механизм дефицита пашни – демографический рост XV в. Демографические волны, взявшие старт в XV в., медленно угасали в XVI в. Поскольку к концу XV в. все земли, пригодные под пашню, были распаханы, а дефицит пашни продолжал увеличиваться, крестьяне продолжали осваивать лесную целину, причем распахивать уже те земли, которые без угрозы нарушения экологического равновесия нельзя было распахивать, сводить под пашню лесные неудобья. Распаханная новь на неудобьях быстро заболачивалась или превращалась в озера. Конец XVI в. – это, по свидетельству Ю. В. Готье, обилие болот и озер в Северо-Восточной Руси (Готье 1937: 91). *Массовое «явление» болот и озер – индикатор не только экологического, но и социального кризиса.* Ведь сначала здесь были леса, потом пришли целинники и вложили тяжкий труд в превращение леса в пашню, а потом, когда на месте пашни образовались болота и озера, целинники вместе с членами семьи – «чадами и домочадцами» – вынуждены были уйти с земли, которая до

того их кормила. Уйти на давно освоенные и занятые другими крестьянами хорошие земли, где могли стать либо «бобылями», либо «холопами на пашне». Когда труд нескольких поколений целинников – основной массы русского народа – оказывается напрасным и люди вынуждены покидать свои нивы и дома, они испытывают состояние банкротства – социально-психологического стресса от того, что оказались неспособными самостоятельно решить проблемы собственной жизни и продолжения рода.

На хороших землях население быстро возросло, что обусловило возрастание демографического давления и на эти земли. В этих условиях и хорошая земля лишается возможности «отдыха», она, говоря языком агрономии, *перепаживается*. Таким образом, нива превращается в болота и озера, а старопахотная перепаживается, постепенно теряя свое плодородие. Теряет весь XVI в. Восстановить плодородие в принципе можно только химическими, неорганическими удобрениями. Средневековье не знало химических удобрений. В средневековье могли лишь затормозить процесс падения плодородия почв трехпольем и навозным удобрением. На Руси распространение трехполья и навозного земледелия критически запаздывало. В источниках XIV–XV вв. среди 200 повинностей крестьян вовсе нет упоминаний о навозном удобрении, третье поле и «паренина» появляются в письменных источниках только с XV в., и только в грамоте 1590 г. крестьяне уже обязаны не только «пашни пахати» и «сено косити», но и «навоз на монастырские земли возити» (Шапиро 1977: 50, 58, 60). А до этого земля выпаживается и истощается. Когда земля перестает «родить», ее перестают пахать, оставляют в «перелог» – природе дается возможность восстановить плодородие почв: земля выводится из хозяйственного оборота и предоставляется самой себе. Чем больше почва выпажана, тем на больший срок она должна остаться на самовосстановление. В Замосковном крае полное восстановление осуществляется за 150–200 лет.

Согласно специальному исследованию А. Э. Каримова (1997: 58–71), Замосковский край приходит к пределу возможностей переложной системы к 1585 году: остается всего лишь 5 % земли, которую можно пахать. 95 % – оставлено в перелог (см.: Каримов 1997: 60, рис. 1). Та же картина наблюдается и на старопахотных землях ополья. Уже при первом взгляде на карты Генерального межевания

Суздальского ополья без всяких расчетов видно, что даже два века спустя после XVI в., во второй половине XVIII в., эти старопахотные земли на 90 % оставались в перелог. Как показала наша экспедиция в Суздаль, в советский период все пустоши были распаханы и с них получали вполне удовлетворительные урожаи.

Первая возможность новой распашки пустошей – оставленной в перелог земли – в первой половине XVI в. появляется только к царствованию Петра I. И тогда, имея в «тылу» частично (еще далеко не полностью!) возрожденную землю, Петр смог «рубить окно» в Европу. При Иване Грозном, естественно, были иные проблемы и иные задачи. Способы решения этих проблем и условия решения и обуславливали, на наш взгляд, формирование основных ценностей российской цивилизации.

Весь XVI в. идет нарастающий процесс перепашки старопахотных земель и оставления их в перелог. У нас нет нарративных источников, свидетельствующих о состоянии умов, но естественно предположить, что если кризис обозначился к началу века, то к середине века он мог только обостриться; иными словами, при Иване Грозном дефицит земли должен был вылиться в гамлетовский вопрос: быть или не быть народу и государству? Государству для испомещивания нужна не «худая», а «добрая» земля, а такой мало и становится все меньше. Выпаханная «добрая» земля превращается в «худую». Если до первой трети XVI в. идет «собрание» русских земель, то в середине XVI в. возникает идея пространственного расширения, идея экстенсивного развития, присоединения нерусских земель. Куда расширяться? Самые плодородные земли на юге (в прошлом это русские земли, в будущем – Черноземный центр России). Освоение его – в интересах народа, но не государства. Ведь там земля непаханая, целинная, ее надо осваивать с нуля. А первый этап освоения лесостепи и степи ненамного легче освоения лесной целины. А государственному служащему надо дать уже освоенную землю и немедленно, чтобы он сразу имел возможность по первому приказу царя явиться на службу «людно, конно и оружно». А такое возможно, когда земля уже освоена. Из ближайших освоенных не затронута экологическим кризисом старопахотная болгарская земля, ныне земля Казанского ханства. Она зовется на Руси «подрайской землицей». Если дать возможность помещикам селить на ней бобылей, холопов на пашне и малоземельных

крестьян, то можно спасти государство и народ от неминуемой гибели. Но вот незадача: «землица» эта юридически со времен Ивана III не чужая, а своя, находящаяся в вассальной зависимости, то есть завоевать ее нельзя, можно лишь экспроприировать «за измену». «Измена» возникает, когда население не признает власть сюзерена. Взятие Казани (1552) полно неясностей. Возможно, мы никогда не узнаем подоплеку детективной истории, действительно ли была «измена» или все было умело подстроено (см.: Кульпин 1998: 174–177). Так или иначе, но **присоединение Поволжья (1552–1556) являлось следствием выбора не только государства, но и ведомого им общества в пользу пространственного расширения, ценности экстенсивного развития.** Но «подрайская землица» оказывалась не всегда «подрайской»: на ней случаются жестокие засухи, которые всегда возникают не вовремя. После завоевания Казани десять лет подряд в Поволжье – засуха, неурожайные годы. Трудно судить, насколько, но неурожайные годы также способствовали десятилетнему восстанию народов Поволжья. В глазах средневекового люда если возникают стихийные бедствия – правитель не легитимен. Завоевание Поволжья не позволило *сразу* испоместить безземельных дворян и спровоцировало новый фронт борьбы: вступление в войну с Россией Крымского ханства. Начались ежегодные набеги крымского хана, которые идут полтора века подряд. И самый большой налог в то время в России – это налог на ежегодный выкуп пленных в Бахчисарае.

Но есть еще земли на Западе. Отмобилизованная армия через два года идет на запад – начинается Ливонская война (1558). Ливонская война – это борьба за те земли, на которых, в отличие от Поволжья, по климатическим условиям гарантирован урожай. Ливонская война начинается успешно, но затем переходит в длительное и тяжелое противостояние с Польшей. Ситуация становится тупиковой. Экологический кризис нарастает. Пашня – основа жизни народа – продолжает сокращаться, как шагреновая кожа. В своих усилиях по решению проблемы выживания народ – банкрот. В своих усилиях по решению проблем военно-политическим путем государство – банкрот. Но в глазах народа, неспособного самостоятельно решить проблему собственного физического выживания, единственная надежда – государство.

И вот в этот момент Иван Грозный демонстративно отказывается от власти и уезжает в Александровскую слободу (1964). Народ умоляет царя взять на себя труд по выходу из критической ситуации. Царь требует для себя неограниченных полномочий, полицейских, по определению В. О. Ключевского. **Народ-банкрот готов делегировать все права по принятию решений государству.** В его глазах именно в данный момент *государство* становится ценностью № 1. Иван Грозный получает диктаторские полномочия. И одновременно происходит становление главной ценности второго порядка – заключение неформального *социального договора* между народом и властью. **Народ готов служить государству, если государство будет решать его проблемы.** Смысл социального договора – во взаимном служении. Образуется «треугольник» служения. На вершине – царь (государство). Его функция – служить народу. Отсюда царь – «царь-батюшка». Но чтобы царь мог служить народу, народ должен служить помещикам – слугам государевым. Тогда помещики могут служить государству. Царь-батюшка – единственная надежда на выживание в экстремальных условиях, поэтому он всегда хороший, вне подозрений в антинародности. Антинародной деятельностью могут заниматься лишь его слуги и вопреки воле царя. Как ценность социальный договор частично выполняет функции ценности *мира* в Дальневосточной цивилизации (см.: Кульпин 1999). **Специфика российского социального договора в том, что он юридически не оформлен, то есть не осознан обществом. Он виртуален. Он существует лишь в общественном бессознательном народа.** В этом сила, долговременная высокая значимость и устойчивость, необходимость для народа, для общества данной ценности. Вплоть до наших дней.

Вообще говоря, в определенные периоды жизни отдельных стран и народов диктаторские полномочия руководителям давались всегда. Вопрос в сроках. Для России эти диктаторские полномочия остались на все времена, вплоть до наших дней. Это означает (как ни печально осознавать), что общественное бессознательное народа во всей истории России «убеждено» в своей неспособности самостоятельно решить проблемы собственной жизни. В этом главная специфика российской цивилизации. В этом основы самодержавия, коммунистического режима, а в наши дни – беспрецедентно

стремительной «раскрутки» псевдопартии «Единство» и неизменно высокий рейтинг Путина. Не случайно современное общество выделяет в числе лучших правителей прошлого не кого-нибудь, а именно трех активных реформаторов – Петра I, Екатерину II и... Ивана Грозного.

В других странах диктаторские полномочия государства приходили и уходили, а у нас пришли и утвердились на века. И возникает вопрос: почему? Почему возникли и почему утвердились? Ответ сложен и прост одновременно. Сложен – при конкретном детальном рассмотрении закономерных факторов и случайных обстоятельств в критические моменты. Прост – потому что **диктаторские полномочия общество дает государству** только в тех случаях, только тогда, **когда само общество обанкротилось в попытке самостоятельно решить свои проблемы**. Когда оно затратило колоссальные усилия, чтобы решить проблемы, но не решило. Если общество не может решить свои проблемы, оно делегирует право решения «наверх» – политической организации, группе людей, герою-вождю. Если народ не может сам выжить, тогда царь-батюшка должен спасти. На любых условиях. Что угодно может делать, как угодно поступать с народом – только бы спас, только бы царь-батюшка принял ношу ответственности за принятие решений.

Иван Грозный осознает тяжесть моральной ответственности за «революцию сверху». На Руси он первый легитимный диктатор с неограниченными полномочиями. Кстати, без понимания осознания Грозным своей ответственности невозможно правильно интерпретировать коллизии его жизни.

После получения диктаторских полномочий Иван Грозный прежде всего укрепляет экономическую базу государственного аппарата – создает фонд заработной платы. В это время свободной земли для испомещивания нет. Церковную трогать он не решается. Остается лишь возможность передела вотчинной. И он делит все государство на две части – на земщину и опричнину. С опричнины он сгоняет всех вотчинников – старых владельцев земли – на земщину. Но на земщине тоже сидят свои вотчинники – старые владельцы земли. И он заставляет вотчинников земщины отдать часть своей наследственной вотчинной земли вновь пришедшим вотчин-

никам с земли, отданной в опричнину. (По тому же принципу через века коммунисты создают из частных домов и квартир коммунальные квартиры.) *Иван Грозный впервые показывает, кто действительный хозяин всей нецерковной земли не юридически (это сделал еще его дед Иван III), но фактически. И народ не протестует против фундаментального реального изменения основ жизни – национализации земли.* Земля – это главное богатство, главный вид собственности. Национализация главного вида собственности как принцип государственного управления – это вовсе не нововведение коммунистов, но явление, исторически присущее общественному бессознательному русского народа. Если бы не было многовековой исторической памяти народа, то не прошла бы столь легко национализация у коммунистов. Народ принимает диктаторские условия – ради выживания в критический момент и ради будущего развития, ради экстенсивного развития, ради будущих земель, которые можно завоевать только в условиях концентрации всех сил и средств в одном месте и под единым руководством.

При Иване Грозном после государства второй по значимости становится ценность *развития*. Развитие – ценность-вектор, определяющий в глазах общества, для чего нужно, то есть легитимирующий в глазах общества, государство. *Какое развитие может быть в условиях, когда проблемы нужно решать как можно быстрее? Только экстенсивное.* Интенсивное развитие – это на старых территориях иное ведение хозяйства, внедрение новых эффективных технологий, развитие науки, информации, образования. На это требуется много знаний, сил и времени. Причем не столько государства, сколько общества. Именно общество, только оно или в основном оно до самого недавнего времени обеспечивало интенсивное развитие. Для быстрого решения государство может предложить и обеспечить только методы и практику экстенсивного развития – захват новых природных ресурсов, территорий.

При сильных противниках обществу не обойтись без государства. Движению на юг препятствовало самое сильное тогдашнее государство Европы – Османская империя. Ей бросили вызов донские казаки, захватив и удерживая выход в Черное море – крепость Азов (1637–1642), но, не получив помощь от государства, вынуждены были оставить Азов. При слабых противниках (коренные народы Сибири или индейцы Северной Америки) общество

может действовать самостоятельно. Иными словами, в процессе присоединения Сибири у общества появляется шанс самостоятельно решить проблемы жизни, то есть возвышения ценности *личности* и соответственно снижения ценности *государства*, шанс «пересмотра» системы основных ценностей, возможности ее *естественного* формирования по европейскому типу. Конкретно колонизация новых земель, где устанавливается система ценностей иная, чем в метрополии, способна привести к изменению системы ценностей в самой метрополии. Именно так, в отличие от Китая, сформировалась система ценностей европейской цивилизации, сложился *цивилизационный «проект»* в Элладе (см.: Кульпин 1999: 48–52, 84–94). В России единственным незакрепощенным сословием является казачество. В безгосударственное Смутное время для своей страны – это бандиты (см.: Кульпин 2000). В государственное – выразители народной свободы. «Свобода в народном понимании означала полную автономию от государства и освобождение от всех обязательств, налогов и повинностей в пользу как государства, так и частных лиц. Народным идеалом служило казацкое устройство, подразумевавшее полное самоуправление, решение всех вопросов на общем сходе, выборные власть и суд, полное равенство, уравнительное распределение земли и прочей собственности между всеми» (Миронов 1999, т. 1: 372).

Со времени Ивана Грозного Россия за сто лет доходит до Аляски. Это столетие – центральная временная часть социально-экологического кризиса, который можно датировать 1500–1650 гг. (В XV в. летописи отмечают 10 урожайных лет, в XVI – ни одного. Анализ см.: Антипова 2001.) Ни повсеместные неурожай, ни «глад и мор великий» 1601–1603 гг., ни сама Смута не могут остановить процесс непрерывного продвижения на Восток: в 1601 г. основывается Мангазея, 1604 – Томск, 1607 – Туруханск, 1628 – Красноярск, 1632 – Якутск, 1646 – Охотск, 1651 – Албазин. Это поиск не только тех земель, где можно бить зверя и выделывать пушнину, но на которых можно пахать и за счет этого жить. Но пахать за Уралом можно в зоне лесостепей, которая быстро сужается в узкую ниточку, лишь местами чуть расширяясь, например в Хакасской котловине, а далее превращаясь в маленькие островки пахотной земли, к примеру возле Иркутска. Новые земли не только не дают хлеба, но русское население в Сибири долго приходится кормить хлебом ев-

ропейской части России: особый натуральный налог – «сибирский хлеб» – отменяется лишь в 1683 г., через сто лет после покорения Сибири Ермаком. Россия «перешагнула» через океан в Америку в поиске пашенного Эльдорадо, но так его и не нашла.

На протяжении полутора веков на восток продвигались казаки, за ними тяжелой поступью шли стрельцы, возглавляемые царскими воеводами, за ними – крестьяне. Инициатива в присоединении новых земель, и это следует особо подчеркнуть, принадлежала, начиная с Ермака, не государству, но обществу, первопроходцам, инициативным личностям, выполнявшим социальный заказ – поиск новых земель, на которых за счет собственного труда можно было бы обеспечить расширенное хозяйственное и демографическое воспроизводство. Иными словами, шел поиск возможности жизни, в которой среди представлений людей о мире и о себе, главными ценностями были бы *личность и развитие*.

В безостановочном движении от Урала до Аляски лишь в Приамурье русские люди, казалось, нашли землю, которую можно было пахать и получать на ней высокие урожаи. С героизмом отчаяния горстка казаков Албазина бросила вызов могущественной Цинской империи, но закрепиться на Амуре не смогла. Правда, если бы отстояли Албазин, то проблема все равно не была бы решена: урожаи в Приамурье нестабильны, а возможные посевные площади ограничены. Так или иначе, Нерчинский договор 1689 г. стал незримым рубежом, за которым надежды на сказочное Беловодье из области реалий перешли в разряд мифов.

Мы до сих пор с точки зрения возобновимых ресурсов (возобновимых! – я подчеркиваю) – одна из самых бедных стран мира, северная страна, живущая в трудных условиях (см. социоестественные исследования: Антипова 1997; 2000; 2001; Клименко 1997), а в трудных условиях общество всегда делегирует свои полномочия «наверх». Делегирует до тех пор, пока не производит технологическую революцию, позволяющую не зависеть непосредственно от природных ресурсов. Чтобы технологическая революция произошла, нужно знание. И в народе, вероятно, в этот период, **в период жесточайшего социально-экологического кризиса, движения на восток, начинается медленное, но неуклонное возвышение ценности знания**. Думается, не случайно первая печатная книга появляется во времена Ивана Грозного (1563). Если в западноев-

ропейской цивилизации знание как таковое возникает главным образом из потребностей рынка, из практичности, то у нас ценность знания появляется в кризисный, бифуркационный период не из-за сиюминутной практической выгоды, а из фундаментальной предпосылки выживания, становится одной из основных ценностей и остается таковой даже тогда, когда оплата сложного труда становится много ниже оплаты простого, как это было в советский период или как сейчас, когда неразвитый, неполноценный рынок уродливо оценивает результаты труда. Все равно люди идут в вузы и учатся. Высокая значимость не прикладного, но фундаментального знания остается неизменной во всей истории России.

Не отыскав пашенного Эльдорадо, **общество не получило возможности самостоятельно решить главную проблему – жизнеобеспечение, что безальтернативно означало:**

– с одной стороны, **необходимость продолжения делегирования права принятия главных решений наверх и окончательного утверждения *государства* как ценности № 1;**

– с другой – **банкротство в глазах общества эффективности *экстенсивного* развития и готовность к изменению сути второй по значимости ценности российской цивилизации – принятию ценности *интенсивного* развития.**

Эпицентр социально-экологического кризиса приходится на Смуту (1605–1612), когда на короткий момент государство как институт перестает существовать. Сегодня нам трудно представить себе до конца те растерянность, отчаяние и ужас населения, которые в подавляющем большинстве исторических исследований находят свое выражение лишь в описании безумств и хаоса Смутного времени. **Общая неустроенность жизни, разгул криминальных элементов, варваризация почти всех сторон жизни вызвали в обществе желание восстановления *государства* как главной ценности, а также утверждения в числе основных ценности *порядка* – той ценности, ради которой обществу всегда и везде нужно государство.**

В середине XVII в. в истории российской цивилизации происходят две важнейших перемены: осознание бесперспективности экстенсивного и лишение общества потенциалов интенсивного развития. Осознание необходимости изменения смысла развития затрагивает не все слои общества, но прежде всего дворянство, связан-

ное с обязанностью службы государству. Лишение потенций развития относится к самому прогрессивному социальному слою – горожанам: ремесленникам, предпринимателям, купцам. Именно горожане положили конец Смуте: объединились, собрали средства, создали ополчение, но во власть не вошли. Если в начальные годы царствования первого Романова Соборы всей земли, в которых принимали участие и горожане, собирались постоянно, то в последние годы все реже и реже (последний Собор состоялся в 1683 г.). В начале царствования второго Романова произошло закрепощение посадского населения (1649), а затем оно лишилось экономических основ развития. Произошло это после присоединения Украины к России (1654), в исторически краткий момент, который редко сколько-нибудь подробно рассматривается в истории и который известен под названием «медного гилля».

Когда к Российскому государству захотела присоединиться Украина, то в Москве долго не могли решиться на такой шаг, ибо он означал начало новой затяжной разорительной войны с Польшей. Россия в то время не просто бедная, как всегда, но чрезвычайно бедная страна, ей тяжело воевать: денег на войну нет. И тогда правительству, которое не случайно характеризуется историками как одно из самых бездарных и коррумпированных, приходит (1656) «гениальное» решение. В принципе, такое же, какое в начале 1990-х гг. приходит Павлову, а потом и Гайдару: лишить общество не просто сбережений, но имущества. Министры Алексея Тишайшего решили, что раз в казне денег нет, то вместо серебряных денег, которыми прежде всегда оплачивались все расходы на войну, платить медными деньгами. Из меди стоимостью в один серебряный рубль чеканилось сто медных рублей. Расходы были огромные, и денег начеканили много. При этом было объявлено, что назад, в казну, эти деньги будут приниматься по той же стоимости. Государство оплатило все расходы – а это были расходы города, расходы купечества, предпринимателей, кустарной промышленности – медными деньгами, а потом отказалось принимать их назад в казну в виде налогов. Фактически оно полностью, дотла разорило русский город. В двадцать раз произошло падение уровня жизни. Никаких защитительных мер от падения уровня жизни правительство и не думало предпринимать. Для тогдашних горожан падение уровня

жизни было много более тяжким, чем наше в 1990-е гг. Начались бунты, которые жестоко подавлялись. После бунта 1662 г. в следующем, 1663 г. медные деньги были отменены и изъяты из обращения, но экономические потенции к развитию самых активных, грамотных социальных слоев России, к развитию не только интенсивному, но и экстенсивному в ходе данной финансовой операции были практически полностью подорваны. С этого времени не только *развитие* могло осуществляться лишь на государственные средства, но и не могли в абсолютно бедной стране естественным путем, то есть путем самоорганизации общества, утверждаться связанные с развитием ценности *труда, эквивалента, частной собственности и закона*. Все эти ценности призвана была заменить одна – *государственное регулирование*.

Государственное регулирование необходимо тогда, когда не действуют экономические принципы жизни. Чтобы действовали экономические принципы жизни, общество должно иметь достаточную частную материальную, интеллектуальную собственность, финансовый капитал, должен сложиться единый хозяйственный, экономический организм, регулируемый рынком и охраняемый законом. В России единый хозяйственный, экономический организм создается только с прокладкой железных дорог. А до этого страна была единой лишь как политический организм.

Переход на интенсивное развитие в условиях государственного регулирования осуществил Петр I. Общество не просто позволило Петру I осуществить свои преобразования, оно дало карт-бланш на преобразования, как раньше дало Ивану Грозному, однако это был уже иной карт-бланш. И при Иване, и при Петре обществу, потерпевшему банкротство в попытке собственными усилиями решить проблему жизнеобеспечения, не оставалось ничего иного, как заключить неформальный *социальный договор*, в котором признать *государство* в качестве главной ценности и делегировать ему право принятия главных решений. Однако условия, в которых перезаключался социальный договор, в конце XVII – начале XVIII в. были принципиально иными, чем в середине XVI в. Главной проблемой общества было уже не физическое выживание этноса, а обустройство жизни «не хуже, чем у других». Хотя климат не изменился в лучшую сторону – продолжался Малый ледниковый период, но

демографический взрыв закончился, излишнее население покинуло землю, неспособную родить, а старопашотная земля тем временем (за 150–200 лет перелога) во многих местах восстановила свое плодородие, богатство России «приросло Сибирию». Общество хоть и не решило, но продемонстрировало способность самостоятельно решать проблемы. В этих условиях государство должно было четко обосновать свою необходимость для общества, обозначить не просто общую цель, но и конкретные пути достижения ее, приемлемые для всех социальных слоев. (Удивительно, но сходные условия продиктовали подобные методы решения в царстве Цинь в I тыс. до н. э. и петровской России. См.: Кульпин 1999: 75–81.)

Иван Грозный видел себя в образе библейского царя, стоящего высоко над народом, который представлялся ему ничем иным, как безгласной толпой рабов. Ни в битвах, ни в труде Иван IV не стремился быть впереди народа. При взятии Казани Грозный трусливо отсиживался в шатре. Как государь Петр I жизни не жалел на благо отечества, в его понимании и в понимании общества – на благо народа. В Полтавской битве он в солдатском мундире шел в шеренге гренадеров. Его треуголка была пробита шведской пулей. И эта пробитая треуголка была символом единения царя с народом. В 1701 г. царь запретил становиться на колени и снимать шляпу перед дворцом, а просителям на высочайшее имя подписываться уничижительными именами. В 1711 г. он ввел новую форму присяги на имя не только государя, как было прежде, но государства, то есть ввел символ *служения отечеству*, то есть всему народу, а не государю, точнее, государю – лишь как руководителю, несущему бремя личной ответственности за отечество.

Петр I видел себя в образе народного вождя, ведущего народ к великой цели. Цель была очевидна – ускоренная вестернизация, что обусловило выдвижение в качестве второй по значимости ценности – ценности-вектора *интенсивного развития*. Как известно, в петровское время интенсивное развитие нашло свое выражение в усвоении профессиональных европейских знаний в невиданных до того масштабах, воплотилось в мощной государственной промышленности, реформе алфавита, упрощающей древнеславянскую азбуку, открытии Академии наук в С.-Петербурге, академического университета и гимназии, основании первой в России научной биб-

лиотеки – Библиотеки Академии наук, первого ботанического сада и многом другом.

При этом государство в принципе могло действовать только в условиях возвышения ценностей *служения* и *иерархии*, осуществлять интенсивное развитие только в условиях высокой ценности *знания*, а при крайней инфантильности общества заменить ценности, действующие в развитом обществе, – труда, эквивалента, частной собственности и закона, – *государственным регулированием* социально-экономических отношений. В ходе петровских преобразований отнюдь не целенаправленно, а спонтанно, методом проб и ошибок, и отнюдь не в сфере сознания, а **в области общественного бессознательного была сформирована целостная система основных ценностей российского общества**, в которой ценностями 1-го порядка стали *государство* и *интенсивное развитие*; 2-го – *неформальный социальный договор, служение и порядок*; 3-го – *государственное регулирование, иерархия, знание*.

Но эффективность действий государства напрямую зависело от солидарности общества с государством. В формировании системы ценностей представляются важными несколько моментов: 1) возникновение общественного консенсуса и сохранение его в течение всего периода реформ; 2) действие «обратной» связи между обществом и государством в течение всего периода утверждения системы ценностей; 3) включенность в действие «обратной» связи не только сознательной, но и подсознательной, бессознательной реакции общества; 4) временной интервал преобразований эпохи Петра I – более 25 лет – гарантировал полное закрепление новой системы ценностей новыми поколениями, то есть превышающий срок демографической смены поколений; 5) в принятой обществом системе ценностей *государство* приобрело четко выраженный патерналистский и меритократический характер.

Общественный консенсус не нашел отражения в официальных и каких-либо иных документах, свидетельствах эпохи, но он «видим» лишь по отсутствию активного сопротивления общества реформам, носящим кардинальный характер, затрагивающим практически все слои и сферы жизни. Проведение реформ методом «проб и ошибок» «де-факто» означало перманентное «испрашивание» власти у общества согласия на преобразования. Готовность быст-

рого отказа от неэффективных установок, естественная в условиях военных действий (иное могло быть смерти подобно), означала безусловную готовность государства принять коррекцию обществом своих действий. Далее, обратная связь власти и народа была двухъярусной – сознательной и бессознательной. В «видимой», осознаваемой части – достижение согласия на конкретные преобразования, в «невидимой», бессознательной, – согласие на совокупность преобразований, на новую целостную систему основных ценностей. Для фиксации новой системы ценностей в общественном бессознательном имела значение длительность реформ. Население активного, трудоспособного возраста, которое ныне находится в интервале от 20 до 55 лет, в XVIII в. находилось в интервале от 20 до 45 лет (что зафиксировано, в частности, в сроках службы дворян), то есть продолжительность трудоспособного возраста составляла 25 лет. Именно столько времени длились реформы Петра I. Иными словами, к моменту его смерти **все** трудоспособное население жило в условиях принятой обществом новой системы ценностей, представители старой системы ценностей по возрасту (то есть в массе) ушли из активной жизни.

Наконец, пожалуй, самый главный аргумент в пользу принятия обществом государства как ценности № 1 был ярко выраженный при Петре I демократический, а также патерналистский и меритократический характер власти. На первый взгляд, высказанное утверждение находится как во внутреннем противоречии (демократия и патернализм), так и в вопиющем противоречии с известными историческими фактами. Б. Н. Миронов констатирует: «Крепостничество могло существовать как государственное, корпоративное или частное... *В суровых формах... оно означало лишение человека большей части личных прав, а также права владеть собственностью и совершать от своего имени гражданские сделки, другими словами, быть субъектом гражданского права, что приближало юридический статус крепостного к статусу раба...*», – и на основании анализа обширного фактологического материала заключает: «При первом императоре государственное закрепощение дворянства, как и других состояний, достигло своего апогея» (Миронов 1999, т. 1: 361, 362). В царствование Петра I мы встречаемся с многочисленными случаями, когда царь распоряжался не только земельной, но и движимой корпоративной или личной собственностью своих поддан-

ных, а также их трудом (Миронов 1999, т. 1: 370, 371). Все фабрики и заводы были объявлены казенными и обложены платежами, контроль за их деятельностью осуществляла Мануфактур-коллегия; права на недра земли передавались казне, все леса европейской России были объявлены государственными заповедниками, все частные рыбные ловли были отобраны в казну, пчельники и бортные угодья, а также все частные мельницы объявлены казенными. До середины XVIII в. в русском законодательстве отсутствовали абстрактные понятия «собственность», «недвижимая и движимая собственность». Кажется, что при таких обстоятельствах невозможно говорить о демократии, а о патернализме можно только в виде патриархального рабства. Однако подобный безукоризненный формально-юридический вывод имеет мало общего с реальной действительностью.

Демократическое общество в экстремальных ситуациях, например во время войны, может почти беспредельно ограничивать идеологические, политические, экономические и социальные права индивидов и не переставать быть демократическим, поскольку демократические отношения при этом, во-первых, формально не ликвидируются, то есть как незыблемые ценности остаются в сознании людей; во-вторых, что важнее, не претерпевает изменения общественное бессознательное – некий идеальный культурный проект, эталон, к которому стремится (хотя и не всегда полностью воссоздает) общество (о таком проекте в дальневосточной цивилизации см.: Кульпин 1999: 94–129). Эпоха Петра I – бифуркационный момент российской истории, когда демократический характер общества проявляется не в формальных свободах, а в ином – реальном доступе всех слоев населения к процессу принятия принципиально важных решений и блокировании возможностей узурпации власти каким-либо одним социальным слоем. Доступ находил свое выражение в существовании обратной связи между государством и обществом (о чем говорилось выше). Блокирование теоретически могло быть применено к духовенству и дворянству, но практически речь могла идти только о дворянстве.

В условиях состоявшегося ранее закрепощения крестьянства и горожан (с 1592 г. – запрещение выхода крестьян в Юрьев день, с 1649 г. – закрепощение посадского населения) до петровских реформ дворяне были единственным социально, экономически, политически организованным (к тому же военным) сословием. Эту стра-

ту Петр I лишил возможности действовать в своих интересах и против интересов других слоев населения, народа и государства роспуском в 1699 г. специфической формы самоорганизации дворянства – дворянского ополчения, а в 1700 г. – Боярской думы и созданием вместо нее Правительственного совета. Наконец, государство вторглось в личную жизнь дворян, чего практически не предпринимало по отношению к другим сословиям, в частности, запретив с 1702 г. содержать в дворянских домах терема – специальные помещения для женщин.

Священнослужители при Петре I становятся государственными чиновниками, живущими на жалованье государства, вводится принудительное бесплатное обучение для детей священников и дьяконов. В 1721 г. утверждается Регламент Духовной коллегии; отменяется патриаршество и учреждается Синод, формально заменивший Освященный собор. Священный Синод, управляющий делами церкви, становится одним из государственных министерств. Вся земля, в том числе и церковная, при Петре де-факто принадлежит государству, на что безуспешно посягал Иван III и не посягал Иван Грозный. В 1701 г. учреждается Монастырский приказ, взявший под свое управление все церковные имения (патриаршие, архиерейские и монастырские) со всеми принадлежавшими им крестьянами.

Все слои населения были поставлены если и не в равные, то идентичные условия жизни – служения государству. **При этом дворяне были призваны нести бремя главной и, что следует подчеркнуть, коллективной ответственности за преобразования.** Для этого дворянство должно было соответствовать исторической миссии количественно и качественно.

Для дворян, чего не было прежде, стали обязательны не просто грамотность, но профессиональные знания. В 1701 г. с этой целью были открыты в Москве Школа математических и навигационных наук и Артиллерийская школа, затем другие учебные заведения. Дворяне, не прошедшие обучения в военном училище, не могли получить офицерский чин; неграмотные дворяне не допускались к государственной службе. С 1715 г. более чем в 40 городах были созданы государственные бесплатные начальные («цифирные») школы для детей дворян и чиновников. В эти школы принимались дети всех сословий, но лишь для дворян обучение было обязатель-

ным. Дворянам, не умеющим писать и считать, было запрещено жениться. Это ограничение распространялось только на дворян.

Достижение и сохранение консенсуса, воплощенного в негласном *социальном договоре*, связано не столько с качественным, сколько с количественным аспектом. Критическая человеческая масса, необходимая для осуществления тогдашних преобразований, нам известна. Дворянство – социальный слой, осуществлявший преобразования, был чрезвычайно узким – всего 2 % от общего числа населения, зафиксированного ревизией, первой после монголов переписью населения, в количестве 15,6 млн податного населения обоого пола, включая армию и флот (Миронов 1999, т. 1: 20, табл. 1.1; 130, табл. 11.19). При этом каждый второй дворянин эпохи Петра не был таковым по происхождению. Как пишет Б. Н. Миронов, «в петровское царствование дворянский корпус расширил свои ряды на 146 тыс. вследствие того, что государство (в связи с преобразованиями, непрерывными войнами, ростом бюрократии) призвало на военную и гражданскую службу тысячи людей из податных сословий, которые по Табели о рангах 1722 г. превратились в дворян, ибо каждый офицер приобретал потомственное дворянство, а каждый классный чиновник – личное, начиная с VIII класса – потомственное» (Миронов 1999, т. 1: 130). Возможность стать дворянами – сиречь людьми высшего социального слоя – была открыта для всех слоев населения. Максимальная социальная мобильность – важный компенсаторный механизм, сохраняющий единство общества в эпоху крутых перемен. Вторично в столь больших масштабах этот механизм был задействован Сталиным в советское время.

В эпоху Петра I если обладаешь знаниями и добросовестно работаешь на государство, то не только получишь дворянское звание, но и сможешь сделать быструю карьеру. Наиболее яркой была карьера графа Меншикова, происходившего из самой низшей социальной страты общества. Раз все должны работать на государство, а государство и иерархия – ценности неразлучные, то в число главных ценностей входит *иерархия*. При Петре *иерархия служения* наполняется новым *меритократическим* содержанием, формальным выражением которого стала *Табель о рангах* (1722) – единая система из 14 чинов. Раньше место в иерархии определялось происхождением, теперь – не происхождением, но рангом, который

может и должен возрастать с длительностью и добросовестностью *квалифицированного* служения государству. В реальной жизни ранг не всегда являлся и является отражением уровня квалификации, но с тех пор и до наших дней ранг и соответственно занимаемая должность в госаппарате значимее дохода от частной деятельности. Чиновник важнее предпринимателя.

«Железным каркасом» реформ стала петровская армия, которая с 1705 г. впервые в истории Европы создавалась путем обязательной воинской (рекрутской) повинности. На службу принимались лица податных состояний в возрасте от 15 до 20 лет, «здоровые и в службу годные». Таким образом, с одной стороны, это была профессиональная армия с неограниченным для всех сроком службы, с другой – всенародная, поскольку формировалась из представителей всех социальных слоев общества, с третьей – будучи новообразованием, полностью подчиненной государству, собственно государством и являющейся. В отличие от других социальных слоев все дворяне были обязаны нести государственную службу, военную или гражданскую, начиная с 15 лет, непременно с самого низшего ранга, в армии – с солдата. Служба была бессрочной – до болезни или смерти. За нарушение государственной службы дворянин мог быть подвергнут моральному, физическому и материальному наказанию, такому же, как и представители других социальных слоев. По указу 1720 г. дворянам, уклоняющимся от службы, грозило наказание кнутом, вырывание ноздрей и вечная каторга. Государство предоставляет дворянину землю только за службу и с 1714 г. вводит единонаследие дворянских имений. Только один, старший сын дворянина получает землю и имеет помимо жалованья за службу доходы от земли, а остальные должны существовать только за счет службы государству за жалованье.

Реформы Петра I стали результирующей как интересов, так и представлений о мире и о себе если не всех слоев общества, то подавляющего большинства. Петр I открыл для России возможность развития, но, вопреки широко разделяемому в научных кругах и обыденному мнению, вовсе не развития по европейскому пути. Развитие может идти с сохранением системы основных традиционных ценностей той или иной цивилизации и заимствованием лишь элементов культуры европейской цивилизации, что мы наблюдаем

ныне на примере Китая, Японии, Юго-Восточной Азии. **Хотя в области технической, а затем и всей культуры Петр I «двинул» Россию в Европу, но в ментальности поставил заслоны на этом пути.** Такие основополагающие ценности европейской цивилизации, как *личность, свобода, солидарность, труд, эквивалент, частная собственность, закон*, не нашли себе места в числе главных ценностей российской цивилизации. **Петр I не создал условий для экономического развития всего общества, не изменил смысл традиционного социального договора, а конкретизировал его так, чтобы он отвечал интересам всех слоев общества. При Петре I завершилось сложение основных ценностей российской цивилизации. Они превратились в неосознаваемый в целостном виде, но императивно действующий цивилизационный культурный проект, некий невидимый эталон, который с тех и до сих пор неосознаваемо пытается воплотить в жизнь российское общество.**

Литература

Антипова, А. В.

1997. Миф о природных ресурсах России. *Билль о правах человека и природы. Социоестественная история*. Вып. 9 (с. 40–46). М.: Ин-т востоковедения РАН.

2000. Ландшафт и человек в современном мире. *Поиск истоков. Социоестественная история*. Вып. 16 (с. 97–120). М.: Ин-т востоковедения РАН.

2001. Эколого-ресурсный потенциал природных ландшафтов России и его изучение в пространственно-временном аспекте. *Природа и культура. Социоестественная история*. Вып. 20 (с. 161–179). М.: Ин-т востоковедения РАН.

Готье, Ю. В. 1937. Замосковный край в XVII веке. *Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси*. М.

Каримов, А. Э. 1997. Роль Москвы в формировании культуры природопользования в Центральной России (XVI – начало XX вв.). *История изучения использования и охраны природных ресурсов Москвы и Московского региона*. М.: Янус-К.

Клименко, В. В. 1997. Энергия, климат и историческая перспектива России. *Билль о правах человека и природы. Социоестественная история*. Вып. 9 (с. 47–72). М.: Ин-т востоковедения РАН.

Кульпин, Э. С.

1996. О принципе минимума диссипации энергии в жизни социума. *Человек и природа. Социоестественная история*. Вып. 8 (с. 3–32). М.: Ин-т востоковедения РАН.

1998. Золотая Орда. *Социоестественная история*. Вып. 11. М.: Московский лицей.

1999. Восток. *Социоестественная история*. Вып. 12. М.: Московский лицей.

2000. Смутное время – бифуркационный момент эволюции российской цивилизации. *Поиск истоков. Социоестественная история*. Вып. 16 (с. 73–84). М.: Ин-т востоковедения РАН.

2001. О социоестественных исследованиях и преподавании истории России. *Природа и культура. Социоестественная история*. Вып. 20 (с. 233–256). М.: Ин-т востоковедения РАН.

2003. Эволюция ментальности россиян. *Природа и ментальность. Социоестественная история*. Вып. 23 (с. 9–25). М.: Московский лицей.

2003. Социально-экологический кризис XVI–XVII вв. и его влияние на становление и развитие российского государства. *Природа и ментальность. Социоестественная история*. Вып. 23 (с. 251–258). М.: Московский лицей.

Миронов, Б. Н. 1999. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). *Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства*. Т. 1, 2; т. 1: 548. СПб.: ДБ (Дмитрий Булавин).

Петров, В. П. 1968. *Подсечное земледелие*. Киев.

Шапиро, А. Л. 1977. *Проблемы социально-экономической истории Руси XIV–XVI вв.* Л.

Юнг, К. 1994. *Аналитическая психология*. СПб.: МЦНКТИТ «Кентавр».